

Ю. В. БРОМЛЕЙ

ИЗ ИСТОРИИ АГРАРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ХОРВАТИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XV—XVI в.

(Окончание) *

Монопольная собственность господствующего класса на главное средство производства — землю сочеталась при феодализме с фактическим владением крестьянами этим средством производства и наличием у них своего хозяйства, основанного на личном труде. В. И. Ленин указывал, что при феодальном способе производства, земля была как бы натуральной заработной платой: она давала крестьянину необходимые продукты, чтобы он мог производить прибавочный продукт на помещика; она являлась фондом для несения крестьянами повинностей в пользу помещика¹. Следовательно, рассматривая аграрный строй хорватской деревни второй половины XV—XVI вв., необходимо выяснить вопрос о характере владельческих прав хорватских крестьян на землю в это время и, вместе с тем, ознакомиться, хотя бы в самых общих чертах, с их хозяйством. Иначе не до конца будет выяснена экономическая основа присвоения хорватскими феодалами прибавочного продукта непосредственных производителей.

В том, что хорватские феодально зависимые крестьяне — кметы в XV—XVI вв. были не собственниками, а лишь владельцами земли, убеждает ряд самых разнообразных показаний источников. Об этом свидетельствует уже то обстоятельство, что при перемене феодала кметы, как правило, лишались не только земли, но и всего недвижимого имущества. В пользу этого же говорят и данные о конфискации феодалами земельных наделов крестьян в порядке репрессий или для расширения собственной запашки. На «право» феодала конфисковать землю у кмета весьма прозрачно намекает Полицкий статут, отмечая, что «...следует учитывать, господин ли гонит кмета, или кмет от господина бежит без основания»². Еще более определенно сказано об этом в Статуте далматинского города Новиграда (от 1551 г.): «если господин застанет кмета за воровством, то господин может его прогнать»³.

«Право» хорватских феодалов конфисковать крестьянские наделы — весьма яркий показатель того, что зависимые крестьяне в средневековой Хорватии фактически были лишь владельцами земли. Но вместе с тем следует иметь в виду, что в XV—XVI вв. хорватские феодальные соб-

* См. ВВ, т. XI, стр. 225—246.

¹ См. В. И. Ленин. Соч., т. 3, стр. 157—158.

² Б. Д. Греков. Полица. Опыт изучения общественных отношений в Полице XV—XVII вв., М. 1951, стр. 276—277, прилож.

³ Wissenschaftliche Mitteilungen aus Bosnien und der Herzegowina, Bd. XII, Wien, 1912, S. 301.

ственники прибегали к сгону крестьян с их наделов лишь в исключительных случаях. «В средние века не освобождение (expropriation) народа от земли, а, напротив, прикрепление (appropriation) его к земле было источником феодальной эксплуатации»⁴.

В XV—XVI вв. хорватские крестьяне, в своем подавляющем большинстве, являлись наследственными владельцами земельных наделов. Так в Модрушском урбарии не раз специально оговаривается, что данный надел кмета — его «дидина»⁵, т. е. земля, полученная по наследству. Часть хорватских кметов в изучаемый период сохранила за собой право передачи наделной земли в руки других крестьян. Такого рода перемена владельцев земли предусматривается Раковацким урбарием 1495 г. и Тржатацким урбарием 1610 г. Но, как свидетельствуют оба урбария, отчуждать (продавать, закладывать) землю кметы могли лишь с разрешения феодала, и, конечно, при условии, что новый владелец — крестьянин обязывался нести в пользу феодального собственника земли все те повинности, которые исполнял прежний владелец. Более того, в них подчеркивалось, что круг лиц, которым кмет мог продать свой надел, был ограничен крестьянами, находившимися в феодальной зависимости от собственника земли. При этом отчуждать разрешалось лишь весь надел целиком⁶.

Судя по изменению терминологии, применяемой в источниках для обозначения владельческих прав кметов на земельный надел, эти права в изучаемый период все более сокращаются. Так, в Модрушском урбарии 1486 г. в подавляющем большинстве случаев говорится, что кмет «имеет» (*ima*) землю и лишь относительно недавно полученных крестьянских участков делается оговорка, что эти участки находятся в «держании» (*držiti*)⁷, в Дубовацком же урбарии 1579 г. по поводу уже всех кметов сказано, что они «пребывают» (*prebuwauw*) на наделе⁸, а в урбариях первой половины XVII в. в этой связи употребляется исключительно термин — «держат»⁹.

Наименование крестьянского надела в XV—XVI вв. остается неизменным. Как правило, в грамотах и урбариях на хорватском языке надел обозначается термином «село» («кметское село»), в источниках, написанных на латыни, — *sessio* (иногда термин «село» заменяется словом «земля», иногда он просто опускается). Противопоставление в Модрушском урбарии «селу» «сенокосов» (*ima ka vsakomu selu sinokoš*)¹⁰ заставляет думать, что под термином «село» подразумевалась лишь пахотная земля.

Из всех доступных нам урбариев реальная величина крестьянских наделов в каждом отдельном случае фиксируется только Модрушским урбарием, где встречаются наделы от 2 до 60 югеров (*dni*). Обычно же источники различают лишь полные наделы (*zelo selo*) и доли наделов (*pol sela*) и т. д. Для «целого села», по мнению Р. Лопашича, «в большей части Хорватии был установлен размер в 12 *dni* (*galo, tagbau*)»¹¹. Однако, абсолютизируя эту цифру, Р. Лопашич тем самым несколько преувеличивает действительные размеры большинства «полных» наделов кметов. В опубликованном им же Дубовацком урбарии 1581 г. прямо указывается,

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Об Англии. Госполитиздат, 1952, стр. 10.

⁵ *Monumenta historico-juridica slavorum meridionalium* (далее МНЖСМ), vol. V, str. 41, 68.

⁶ *Ibid.*, str. 159, 168.

⁷ *Ibid.*, str. 28—81.

⁸ *Ibid.*, str. 106, 108, 115.

⁹ *Ibid.*, str. 215, 228, 230, 233, 241, 247, 309—323, 331—350 и др.

¹⁰ *Ibid.*, str. 34.

¹¹ *Ibid.*, str. 29.

что «полный надел» (*sessio*) кмета составляет 8 югеров¹². Конечно, имелись также «целые села» размером в 12 югеров, как и «полные» наделы менее 8 югеров. Но и те и другие, очевидно, были исключением, а не правилом.

Важную роль в хозяйстве хорватских крестьян, членов территориальных общин, играли общинные угодья.

Вопрос об общинах в средневековой Хорватии привлекал внимание многих исследователей. Для его решения как хорватские, так и русские буржуазные историки чаще всего обращались к Полицкому статуту¹³. И это не случайно. В силу специфических условий, в которых находилась средневековая Полица, в ее статуте нашло отражение немало архаизмов, сохранившихся в ее быту и представляющих значительный научный интерес для характеристики социально-экономических отношений не только самой Полицы, но и других средневековых славянских стран.

Особенно ценны показания Полицкого статута о верви, поскольку этот термин, хорошо известный русской Правде, встречается еще только в Полицком статуте и в некоторых хорватских грамотах.

Наиболее обстоятельное исследование Полицкого статута принадлежит Б. Д. Грекову, посвятившему этому Статуту специальную монографию «Полица»¹⁴. Убедительно показав в этой работе порочность попыток буржуазных историков доказать на основании данных Полицкого статута, что общинный быт является славянской спецификой, и, в частности, вскрыв научную несостоятельность «задружной» теории Ф. Леонтовича¹⁵, Б. Д. Греков, вместе с тем, в результате своих наблюдений над материалами Статута пришел к ряду весьма существенных выводов о характере общин в Полице. Важнейшие из этих выводов следующие: а) термин Полицкого статута «опчина» обозначает всю Полицу¹⁶; б) основными общественными ячейками, из суммы которых состоит вся Полицкая «опчина», являлись села — территориальные общины¹⁷; в) вервь Полицкого статута — «когда-то, по-видимому, коллектив родственников. В XV—XVI вв. это уже организация, построенная на экономической базе. Это часть села-общины, сохранившая, однако, в себе много архаических черт»¹⁸; г) «В селе может жить и большая семья. Но Статут эту организацию вервью не называет»¹⁹.

Эти наблюдения Б. Д. Грекова не только помогают пониманию характера вервной организации в древней Руси, но и имеют исключительно важное значение для выяснения общинных порядков в самой Хорватии XV—XVI вв. В частности, они позволяют сделать заключение, что упоминание в хорватских грамотах этого периода термина «вервь»²⁰ свидетельствует о сохранении здесь сельских общин такого же, как и в Полице, типа. Однако само собой разумеется, что анализ сведений об общинах, почерпнутый из Полицкого статута, действие которого было ограничено небольшой хорватской жупой в Далмации, не может заменить конкретного изучения источников XV—XVI вв., относящихся к основной территории расселения хорватов. Такое изучение тем более необходимо, что некоторая

¹² Ibid., стр. 120.

¹³ Историографию вопроса см. в монографии Б. Д. Грекова. Полица.

¹⁴ Б. Д. Греков. Полица. См. также его статью „Большая семья и вервь Русской Правды и Полицкого статута“. ВИ, 1951, № 8, стр. 27—37.

¹⁵ См. Б. Д. Греков. Полица, стр. 82, 83, 108 и др.

¹⁶ Там же, стр. 91.

¹⁷ Там же, стр. 91, 93.

¹⁸ Там же, стр. 89.

¹⁹ Там же, стр. 91.

²⁰ МНЈСМ, vol. VI, str. 194.

замедленность темпов общественного развития Полицы, несомненно, наложила свой отпечаток на ее общинные порядки.

К сожалению, наши основные источники — урбарии содержат весьма скудные сведения относительно общин и их внутренней организации. Исключение представляет лишь опись имущества кн. Ст. Франкопана от 1558 г., в которой дается подробное описание общинных угодий с указанием на то, к какому из населенных пунктов данные угодья относятся. Поэтому, опись 1558 г. позволяет выяснить чрезвычайно важный для понимания характера аграрного строя в хорватской деревне вопрос о структуре общинного землевладения в крупных феодальных вотчинах.

По данным этой описи владения кн. Ст. Франкопана в 1558 г. состояли из восьми крупных вотчин: Рыбник, Новиград, Липпа, Звечай, Зкрад, Модруш, Огулин и Луковдол. Центром каждой вотчины был замок (*castrum*) с посадом (*oppidum*), от названия которых получала наименование данная вотчина. К замку и подградью были приписаны как возделываемые земли, так и весьма обширные общинные угодья (*terre communes*), состоящие из пастбищ, леса и кустарников и расположенные преимущественно в горах²¹. Остальная территория пяти из этих вотчин кн. Ст. Франкопана делилась на судебные округа (*judicatus*). В каждой из этих вотчин насчитывалось от двух до пяти судебных округов²². Последние в свою очередь состояли из сел (*villa*); наиболее крупное село являлось центром судебного округа, от него он и получал свое наименование. Число сел в округе обычно колебалось от трех до семи; в четырех случаях село и судебные округа совпадали²³. В двух вотчинах (Огулин и Луковдол) деление на округа отсутствует и указаны лишь села (по три в каждой вотчине)²⁴. Об одной вотчине (Модруш) в описи сказано только, что она находится во владении короля, и, очевидно, поэтому для нее не дается обычный перечень «имущества»²⁵. Во всех вотчинах, подразделявшихся на судебные округа, помимо неразделенных земель, приписанных к замку, фиксируются общинные угодья в каждом из округов; при отдельных же селах, входящих в состав этих округов, общинных владений не указано²⁶. В одной из вотчин (Луковдол), не имеющей округов, общинные угодья значатся при двух из четырех сел²⁷; в другой (Огулин) — угодья вообще не указаны, что скорее всего связано с небрежностью составителей описи, так как эта вотчина приведена здесь одной из последних²⁸.

Таким образом, опись 1558 г. позволяет выявить ряд существенных особенностей распределения общинных угодий внутри этих крупных вотчин. Во-первых, обычно в каждой вотчине имелись неразделенные угодья, приписанные к замку; угодья эти использовались, видимо, как жителями посада, так и для нужд господского хозяйства. Во-вторых, помимо того в вотчинах, подразделявшихся на судебные округа, каждый округ имел свои общинные земли, находящиеся несомненно в пользовании жителей всех сел, входящих в данный округ. В-третьих, в некоторых вотчинах общинные угодья были приписаны лишь к части сел, другие же села данной вотчины, надо полагать, пользовались угодьями одного из сосед-

²¹ E. Laszowski. *Popis i procena dobara kneza Stjepana Frankopana Ozaljskoga god. 1558*. Starine, kn. XX, 1902, str. 181—211.

²² *Ibid.*, str. 182—207.

²³ *Ibidem*.

²⁴ *Ibid.*, str. 208—211.

²⁵ *Ibid.*, str. 207.

²⁶ *Ibid.*, str. 182—207.

²⁷ *Ibid.*, str. 209—211.

²⁸ *Ibid.*, str. 208—209.

них сел этой вотчины. Наконец, изредка встречались соседские общины, состоявшие из одного села. Следовательно, за исключением территории, прилежащей к замку, вся остальная часть крупных вотчин была занята территориальными общинами, состоявшими, как правило, из нескольких сел; в большинстве случаев эти территориальные общины совпадали с судебными округами (*judicatus*).

Иными словами, перед нами та же структура территориальных общин, что и в средневековой Германии, где, как отмечал Ф. Энгельс, «насколько источники позволяют проникнуть в прошлое, мы находим повсюду... большее или меньшее число сел, соединенных в одну общину-марку»²⁹. Объясняя возникновение таких общин, Ф. Энгельс писал: «На так называемой марке, весьма обширном пространстве земли, которое предоставлено было вначале каждому отдельному селу, быстро увеличивающееся население основывало ряд дочерних сел, которые вместе с материнским селом на равных или несколько урезанных правах образовывали теперь единую общину-марку»³⁰. Вряд ли можно сомневаться, что возникновение территориальных общин, состоящих из нескольких сел, в средневековой Хорватии, как и в Германии — результат выделения дочерних сел. В пользу этого свидетельствует, в частности, то обстоятельство, что в описи 1558 г. все общинные угодья приписаны к наиболее крупным (в рамках вотчины или судебного округа) населенным пунктам³¹.

Неразделенные угодья, приписанные к замку, по данным описи 1558 г., как правило, значительно превосходили общинные земли отдельных сельских общин. По-видимому, такое положение создалось в результате узурпации предками феодалов, собственников замков, прав на общинные владения, некогда принадлежавшие объединениям нескольких родственных сел и не распределенные между этими селами³².

Рассмотрев на основании данных описи 1558 г. общинные порядки в вотчинах кн. Ст. Франкопана, следует выяснить, в какой мере наши выводы о структуре общинного землепользования в этих вотчинах можно распространить на остальную территорию Хорватии конца XV—XVI вв. С этой целью нам опять придется обратиться к урбариям, хотя их сведения об общинах, как уже отмечалось, очень скудны. Но теперь, после анализа описи 1558 г., мы можем понять некоторые свидетельства урбариев, лишь косвенно говорящие об общинных порядках в Хорватии изучаемого периода. Так, в Модрушском урбарии 1486 г. в одном случае мы находим указание, что кметы трех соседних сел (Куничане, Медвия и Семичи) должны были совместно преподнести ежегодно феодалу-землеладельцу одну телку (*ialovicu*)³³. В свете данных описи 1558 г. указание это позволяет предположить существование и в Модрушских владениях кн. Фракопанов в конце XV в. сел, соединенных в одну территориальную общину. На то же, возможно, намекает этот урбарий и тогда, когда в подзаголовках, под которыми обычно дается перечень крестьян, их наделов и повинностей, в двух случаях помещает одновременно название двух сел (деревень)³⁴. Следует при этом учесть, что в большинстве сел Модрушской вотчины было по 15—20 крестьянских хозяйств, а в отдельных

²⁹ Ф. Энгельс. Марка, в кн. Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. М., 1952, стр. 115.

³⁰ Там же, стр. 115.

³¹ См. E. Laszowski. Popis i procena... , str. 181—211.

³² О подобных землях у германских племен, принадлежащих так называемым „сотням“, см. Ф. Энгельс. Марка, стр. 114.

³³ MHJSM, vol. V, str. 42.

³⁴ Ibid., str. 30, 58.

случаях их число доходило даже до сорока³⁵. При таких условиях территориальные общины, состоящие из нескольких сел, могли быть скорее исключением, чем правилом. Следует ли искать объяснение этому в локальных особенностях Модрушского владения или преобладание крупных сел вообще характерно для этого периода, при современном состоянии источников, сказать трудно. Однако в пользу последнего предположения как будто говорит тот факт, что в Благайском урбарии 1453 г. мы тоже находим лишь такие общины, которые состояли из одного села³⁶.

В свете наших наблюдений над структурой общин по данным описи 1558 г. особое внимание привлекает деление в Озальском урбарии 1642 г. всей территории этого владения кн. Франкопанов на судебные округа, которые обозначаются здесь или уже известным нам латинским термином *judicatus* или, значительно чаще, адекватным хорватским словом *sudcia*. Открывается этот урбарий перечнем жителей посада Трг (*purgarii*) и кметов, приписанных к этому посаду, а также их повинностей³⁷. Все это в целом именуется в урбарии как «судция Тржская» или «судция пургарская»³⁸, т. е. бюргерская. Далее следует перечень 18 «сельских» судебных округов (*judicatus* или *sudcia*). Структура этих округов весьма пестра. Группируя их по числу входящих сел (деревень), из которых они состояли, мы получаем следующую картину. В четырех из всех «судций» (Подбрежье, Покупско, Зоркович, Хрнетичи) отсутствуют какие-либо указания на наличие в их составе отдельных сел (деревень), кроме основного, по имени которого назван данный округ³⁹. Следовательно, наиболее вероятно, что эти «судции» состояли из одного села, хотя и не исключено, что отдельные села-деревни просто не зафиксированы. В пользу последнего предположения как будто говорит тот факт, что две «судции» в Озальском урбарии имеют двойное название (Лович и Корушко, Оралье и Кобиличи), т. е., по-видимому, состоят по крайней мере из двух сел, что однако при перечислении кметов этих округов не указано⁴⁰. В трех «судциях» (Купин, Прибичи, Синковичи) имелось по одной большой деревне (от 20 до 80 крестьянских хозяйств) и одному дочернему селу (в 5—15 хозяйств)⁴¹; в пяти судебных округах (Шипак, Томашичи, Врховец, Прекражье и Острый Врх) насчитывалось одно крупное село (в среднем около 20 крестьянских хозяйств) и два-три небольших села (в среднем по 5 хозяйств, в том числе один хутор из одного хозяйства)⁴². В одном случае урбарий отмечает судебный округ (Крашчичка), состоящий из шести сел размером от трех до 24 крестьянских дворов⁴³, в другом — «судцию», включающую 20 хуторов в одно-два хозяйства⁴⁴. Наконец, в описи одной «судции» (Брложка) перечисляется 13 сел самой разнообразной величины (от одного до 50 хозяйств)⁴⁵. Таким образом подавляющее большинство судебных округов в Озальских владениях кн. Франкопанов в первой половине XVII в. состояло из нескольких сел.

Помимо данных о «судциях», в Озальском урбарии имеется ряд случайных свидетельств о том, что население «судций» представляло собой

³⁵ MHJSM, vol. V, str. 28—81.

³⁶ Ibid., str. 18—19.

³⁷ Ibid., str. 211—219.

³⁸ Ibid., str. 215, 219.

³⁹ Ibid., str. 244—250, 257—260.

⁴⁰ Ibid., str. 235—237, 260—267.

⁴¹ Ibid., str. 219—222, 226—232, 275—280.

⁴² Ibid., str. 232—235, 241—243, 250—257, 267—271, 292—295.

⁴³ Ibid., str. 222—226.

⁴⁴ Ibid., str. 237—239.

⁴⁵ Ibid., str. 280—291.

коллектив, связанный общими хозяйственными и правовыми интересами. Так, например, в «судии Брложка» кметы двух сел (Яшково и Храстовляне) обязаны совместно чинить мост⁴⁶. Об обязанности кметов в данной «судии» коллективно исполнять повинности по исправлению мостов, гатей и дорог говорится, кроме того, еще в описи семи «судий»⁴⁷. В перечне повинностей кметов трех «судий» указывается, что они ежегодно всей «судией» должны преподносить господину одного вола⁴⁸. В описи четырех судебных округов, в том числе и «града», упоминаются судьи (sudci) этих округов⁴⁹ — обстоятельство, свидетельствующее, что наименование этих округов — «судиями» стоит в прямой связи с их судебными функциями. Имеются в Озальском урбарии и свидетельства относительно наличия в рамках «судий» общинных угодий. Так, в двух случаях урбарий употребляет для наименования поселений термин «на опчине»⁵⁰, вероятно, подразумевая, что эти поселения возникли на общинных землях. Наконец, в Озальском урбарии мы находим одно весьма ценное замечание, прямо указывающее на право всех кметов, жителей данной «судии», пользоваться ее общинными угодьями: в конце описи судебного округа, имеющего двойное название «Оралье и Кобиличи», сказано, что «согласно старого обычая, в общинах... все, кто в этой судии живет, могут свободно сечь (лес. — Ю. Б.) и пасти»⁵¹. Таким образом, мы, очевидно, вправе утверждать, что в Озальском урбарии, как и в описи 1558 г., судебный округ (judicatus, sudcia) совпала с территориальной общиной и обычно состояла из нескольких сел. Известны Озальскому урбарии и неразделенные угодья, приписанные к замку. Но, в отличие от описи 1558 г., урбарий совершенно определенно указывает, что этими угодьями, наряду с жителями замка и посада, пользовались также крестьяне близлежащих сел.

О широком распространении в средневековой Хорватии неразделенных угодий, приписанных к замкам, постепенно обраставшим посадами и превратившимся в города в полном смысле этого слова, свидетельствует также ряд хорватских «городских» статуты конца XV—XVI вв. Так, например, статут «града» Каставы (1490 г.) в одной из своих статей (ст. 44) упоминает об отводе кметам сенокосов в принадлежащих «граду» общинных угодьях (kommunitadi)⁵². О наличии такого рода угодий сообщают также статуты Вепринца (1507 г.) и винодольского «града» Тржата (1640 г.), причем оба статута явно предполагают, что эти угодья находились в совместном владении жителей «града» и кметов тянувших к нему сел⁵³.

Итак, в Хорватии изучаемого периода наряду с общинными угодьями, находившимися в общем пользовании жителей территориальных общин,

⁴⁶ MHJSM, vol. V, str. 291.

⁴⁷ Ibid., str. 225, 232, 235—236, 240, 250, 260, 268.

⁴⁸ Ibid., str. 221, 274, 290.

⁴⁹ Ibid., str. 218, 222/225, 240.

⁵⁰ Ibid., str. 225, 272 (в первом случае «на опчине» значит одно крестьянское хозяйство, во втором — два).

⁵¹ Ibid., vol. V, str. 267.

⁵² Ibid., vol. IV, str. 189.

⁵³ Ibid., vol. IV, str. 214—215, 225—226. В данной связи обращает на себя также внимание расшифровка Б. Д. Грековым часто употребляемого Винодольским статутом (1288 г.) термина «община града». «Винодольский «город», — пишет Б. Д. Греков, подводя итог анализу соответствующих показаний статута, — не отрезан от деревни. Он имеет свою собственную структуру и, живя своей собственной жизнью, в то же время является и центром, объединяющим весь сельский округ, тянувший к своему городу. В этом последнем смысле город и его сельский округ представляют такое органическое единство, которое Винодольский закон именует «общиной града». Б. Д. Греков. Винодол. М.—Л., 1948, стр. 51.

состоявших из одного или нескольких сел (деревень), имелись неразделенные земли, приписанные к замкам — «градам». Не исключено, повторыем, что возникновение этой последней категории земель — результат узурпации феодалами прав на общинные угодия так называемых сотен. Во всяком случае несомненно, что, хотя крестьяне близлежащих сел сохранили некоторую возможность пользования неразделенными угодьями, приписанными к замкам, основные права на эти угодья имели феодалы — владельцы замков.

Под господской опекой находились в изучаемый период и сельские общины. Об этом, в частности, весьма наглядно свидетельствует использование феодалами общинной организации в фискальных целях. Показания урбариев относительно коллективной ответственности членов территориальных общин за исполнение ряда повинностей уже приводились; к этим показаниям следует еще добавить, что согласно Озальскому урбарии «общинные» судьи были обязаны собирать с членов сельских общин платежи — «доходки»⁵⁴. Это обстоятельство вместе с тем показывает, что в рассматриваемый период хорватским феодалам уже в значительной мере удалось подчинить себе судебные органы территориальных общин. Известны и случаи прямого захвата хорватскими феодалами общинных угодий. Так, например, из протоколов хорватско-славянского сабора, состоявшегося в августе 1572 г., следует, что в этом году госпожа Барбара Алапич, вдова бана Петра Эрдеди, захватила у кметов села Егудовиц, принадлежащего соседним феодалам, сенокосы и лес, а заодно и часть пахотных земель⁵⁵.

Однако, несмотря на натиск господ, сельские общины в изучаемый период были еще достаточно прочными организациями, обеспечивавшими своим членам право пользования неразделенными угодьями. Являясь формой земледельческого производства⁵⁶, сельские общины вместе с тем были могущественным средством объединения крестьян для борьбы против наступления феодалов. В несколько измененном виде они сохранились в Хорватии вплоть до начала XX в.⁵⁷

Известно также, что в конце XIX — начале XX в. довольно значительная часть крестьянского населения (примерно $\frac{1}{5}$) жила задругами, т. е. большими семьями⁵⁸. С другой стороны, доказано существование у хорватов больших семей еще до XII в.⁵⁹ На основе этих фактов уже можно, очевидно, предположить, что в Хорватии изучаемого нами периода также имелись семейные общины. Данное предположение находит себе подтверждение и в показаниях ряда доступных нам источников. Прежде всего, здесь следует сослаться на Полицкий статут, который в одной из своих статей (ст. 33) совершенно определенно говорит о большой семье, называя в числе ее членов: отца, сыновей, братьев ближних (родных) и дальних (двоюродных, троюродных и т. д.)⁶⁰. Состав большой семьи, по мнению Б. Д. Грекова, можно видеть и в одном хорватском документе от 1488 г., упоминающем «sinov, bratje, bratučedov, stricev i sinovae bližnih

⁵⁴ МНЈСМ, vol. V, str. 222, 225, 240.

⁵⁵ Monumenta spectantia historiam slavorum meridionalium (далее МSHSM), vol. XXXIX, Zagrabiae, p. 353.

⁵⁶ См. Ф. Энгельс. Марка, стр. 122.

⁵⁷ См. В. И. Фрейдзон. Развитие капитализма в хорватской деревне и положение крестьян в Хорватии в конце XIX — начале XX в. Ученые записки Института славяноведения, т. X, 1954, стр. 109—114.

⁵⁸ См. там же, стр. 107.

⁵⁹ См. И. Смирнов. Землевание в Хорватии и Далмации. ЖМНП, № 235, 1884, октябрь, стр. 311; O. Mandić. Bratstvo u ranosrednjevekovnoj Hrvatskoj. Historijski zbornik. God. V, 1952, br. 3—4, str. 260 и сл.

⁶⁰ Б. Д. Греков. Полица, стр. 67—68, 224.

i dalnjih»⁶¹. О братьях ближних и дальних довольно часто говорится в других хорватских актовых материалах XV—XVI вв.⁶² Существование в Хорватии изучаемого периода семейных общин подтверждается, на наш взгляд, также урбариями, отмечающими иногда, что на одном и том же земельном наделе «сидело» несколько кметов-мужчин (иногда в их числе упоминаются вдовцы). Как правило, большинство этих кметов — однофамильцы, и, следовательно, наиболее вероятно, что они представляли собой коллектив родственников, имеющих общую пахотную землю и живущих под одной крышей, т. е. семейную общину. Особенно часто свидетельства о кметах, совместные владеющих земельным наделом, встречаются в Озальском урбарии 1642 г.; имеются такого рода показания и в Дубовацком урбарии 1581 г.⁶³

Судя по этим урбариям, в общем владении нескольких кметов-мужчин обычно находился полный надел (*sessio*), иногда половина надела, изредка 2—3 надела. Число взрослых мужчин, связанных коллективным владением пахотной земли, колебалось от 3—4 до 8—10.

Все сказанное, очевидно, позволяет заключить, что в изучаемый период в Хорватии сохранилось еще немалое число семейных общин. Но, в то же время, обращает на себя внимание, что в актовых материалах очень часто упоминаются случаи раздела семейной собственности⁶⁴, что свидетельствует о довольно интенсивном процессе разложения семейных общин. Как показывают урбарии, господствующей формой семьи хорватского крестьянства в XV—XVI вв. уже несомненно была индивидуальная семья.

Рассмотренные материалы о хозяйственном положении непосредственных производителей в хорватской деревне конца XV—XVI вв. преимущественно относятся к кметам-колонам. Из этих материалов следует, что в изучаемый период хорватские кметы представляли собой феодально зависимых крестьян, наделенных землей и имеющих свое личное хозяйство; как правило, они были членами территориальных общин, в рамках которых подчас сохранились большие семьи.

Кметы-колоны составляли основную массу сельского населения Хорватии; но помимо кметов в хорватской деревне второй половины XV—XVI вв. имелись и другие категории феодально зависимых непосредственных производителей. Однако их изучение сопряжено со значительными трудностями, так как наши источники очень скупо освещают специфику их социально-экономического положения; в частности, почти совершенно ничего не говорят об особенностях их правового положения.

Весьма показательны в этом отношении, что те из хорватских историков, которые пытались решить вопрос о составе феодально зависимого сельского населения в Хорватии XV—XVI вв., искали ответ на него не в хорватских, а в венгерских источниках. Так, И. Хартингер, ссылаясь на венгерские источники, утверждал, что в это время между подданными хорватских феодалов правовых различий не было. Он делил всех этих подданных на следующие три группы (различавшиеся, по его мнению, лишь имущественным положением): «а) *jobbationes sessionati vel coloni*, имевших помимо дома, двора и сада также пахотную землю (по своему имущественному положению они, очевидно, тождественны кметам-колонам хорватских источников. — Ю. Б.); б) *inquilini domos habentes*, которые

⁶¹ Б. Д. Греков. Полица, стр. 68, прим. 1.

⁶² См., например, I. Kukuljević. Acta Croatia. Zagrabiae, 1883, № 175, р. 178—179, № 235, р. 239, № 236, р. 239, № 265, р. 249.

⁶³ MHJSM, vol. V, str. 123, 219—294.

⁶⁴ О разделе большой семьи также говорится в уже известной нам ст. 33 Полицкого статута.

имели только дом, двор и сад; с) *subinquinini, inquinini domos non habentes*, которые живут в доме другого колона или инквиллина»⁶⁵. В несколько модифицированном виде эта классификация И. Хартингера состава феодально зависимого населения в Хорватии XV—XVI вв. встречается и в современной югославской исторической литературе⁶⁶. Однако, указывая лишь на три категории подданных хорватских феодалов, И. Хартингер тем самым явно упростил вопрос. Как будет показано ниже, состав непосредственных производителей хорватской деревни этого периода был значительно сложнее. Опираясь исключительно на венгерские материалы, И. Хартингер оставил по существу недоказанным и факт существования в Хорватии XV—XVI вв. инквилинов. Между тем, термин *inquinus* не раз упоминается в хорватских источниках, написанных на латинском языке. Среди доступных нам источников данный термин встречается в описи имуществ кн. Франкопана от 1558 г., в Дубовацком урбарии 1581 г. и в Раковацком урбарии 1630 г. (публикация, в которой помещены два последних источника, кстати сказать, была известна И. Хартингеру)⁶⁷.

К сожалению, опись 1558 г. почти не расшифровывает значения термина «*inquinus*»; она лишь противопоставляет инквиллины колонам (*inquinini seu coloni*) и позволяет предположить, что инквиллины жили в посаде (*orpidum*) или во всяком случае поблизости от него⁶⁸. Несколько подробнее об инквиллинах сообщает Дубовацкий урбарий 1581 г. Из его показаний прежде всего следует, что инквиллины проживали вблизи посада, население которого урбарий обозначает термином *cives*⁶⁹. В Дубовацком урбарии 1579 г., написанном на хорватском языке, относительно лиц, которых урбарий 1581 г. именует инквиллинами, сказано просто, что они «*пребывают под градом Дубовцом*», а жители града называются пургарями⁷⁰. Данные этих двух урбариев в своей совокупности показывают, что инквиллины имели свое жилище (лат. *cellaria*, хор. *hisa*)⁷¹; кроме того, у части инквиллинов, именуемых в урбариях *promontariales* (лат.) или *gogschaki* (хорв.) были небольшие виноградники⁷², но ни один из них не имел пахотной земли. Относительно многих инквиллинов в урбариях имеются указания, что они занимаются тем или иным ремеслом; о двух инквиллинах сказано, что они «*стражи*»⁷³, об одном, что он — «*учитель*»⁷⁴; наконец, упоминается инквиллин, по-видимому подмастерье, проживающий у инквиллина-ремесленника⁷⁵. Но, независимо от их производственной деятельности, все дубовацкие инквиллины были обязаны барщинными работами на господском домене, о характере и размерах которых в урбариях, к сожалению, не сказано⁷⁶. Инквиллины, имевшие виноградники, кроме того должны были отдавать феодалу десятую часть вина, полученного из собранного ими урожая винограда⁷⁷. От всех же других повинностей

⁶⁵ См. J. Hartinger, *Hrvatsko-slovenska seljačka buna godine 1573*. Osijek, 1911, str. 61—70.

⁶⁶ A. Fiamengo. *Seljačka buna godine 1573*. Dijelo. god. 2, br. I, Zagreb, 1948, str. 96.

⁶⁷ См. J. Hartinger. *Op. cit.*, str. 65—70.

⁶⁸ См. E. Laszowski. *Popis i procena...*, str. 196.

⁶⁹ MHJSM, vol. V, str. 108—119.

⁷⁰ *Ibid.*, str. 100—102.

⁷¹ *Ibid.*, str. 100, 120.

⁷² *Ibid.*, str. 104—105, 120.

⁷³ *Ibid.*, str. 102—104.

⁷⁴ *Ibid.*, str. 104.

⁷⁵ *Ibid.*, str. 119.

⁷⁶ *Ibid.*, str. 104, 105, 119.

⁷⁷ *Ibid.*, str. 105, 120.

(денежных и натуральных), которые несли дубовацкие пургари и кметы, инквиллины были освобождены.

Раковацкий урбарий 1630 г. упоминает лишь двух инквиллинов. Оба они жили в подградье Раковца или вблизи от него (точно установить не удастся), каждый из этих инквиллинов владел участком пахотной земли размером в 3 югера. Идентичны были и их повинности: в урбарии сказано, что они освобождены от всех платежей и обязаны лишь три дня в неделю отбивать барщину, а также, когда понадобится, доставлять господину почту в ближайшие населенные пункты⁷⁸.

Итак хорватские источники второй половины XVI—первой половины XVII в. свидетельствуют, что инквиллины в это время составляли сравнительно немногочисленную, но довольно пеструю по своей производственной деятельности прослойку феодально зависимого населения, занимавшуюся ремеслом, виноградарством, хлебопашеством, несением сторожевой службы и т. д. Все они жили вблизи господского замка и использовались в качестве рабочей силы в домениальном хозяйстве феодала. В отличие от кметов инквиллины совсем не имели обрабатываемой земли или имели лишь небольшой участок. Этим, видимо, в первую очередь и объясняется разнобразный характер их производственной деятельности. Не имея достаточно земли, которая могла бы его прокормить, инквиллин неизбежно должен был искать иных, неземледельческих источников дохода. Относительная экономическая маломощность инквиллинов, о которой особенно наглядно свидетельствует освобождение их от всех денежных и натуральных платежей, заставляет думать, что основная масса этой категории феодально зависимых людей ведет свое происхождение от разорившихся крестьян-кметов. Как видим, вопрос о социально-экономической природе инквиллинов гораздо сложнее, чем он представлялся И. Хартингеру. Что же касается субинквиллинов, которых И. Хартингер выделил в особую группу подданных, то, судя по нашим материалам, в Хорватии изучаемого периода их было весьма немного.

Значительно чаще чем инквиллины в наших источниках упоминаются влахи, хорошо известные в средние века во всех южнославянских странах. В современной научной литературе признано, что влахи — остатки романизированного древнего населения Иллирии и Фракии, что их основным занятием было скотоводство⁷⁹. Надо полагать, что данная характеристика этнического происхождения влахов полностью относится и к тем из них, которые фигурируют в хорватских источниках.

Несомненно и то, что в изучаемый период значительная часть влахов на территории Хорватии продолжала, по-прежнему, заниматься преимущественно скотоводством. В этом нас, в частности, убеждают соответствующие показания Полицкого статута. Они свидетельствуют о том, что в Полице XV—XVI вв. влахи — «зависимые от господ люди, занимавшиеся не столько земледелием, сколько разведением и пастьбой скота»⁸⁰. Свою обычную производственную деятельность в XV—XVI вв. многие хорватские влахи сочетали с несением военной службы⁸¹. Особенно интересно в этом отношении сведения, содержащиеся в грамоте кн. Анжа Франкопана от 1436 г. Из этой грамоты следует, что в середине XV в. вблизи Сеня находилось несколько «катуней», населенных влахами. Эти влахи имели своего князя, воеводу и судей; каждый «катун» возглавлялся

⁷⁸ МНЈСМ, vol. V, str. 174.

⁷⁹ См. История Болгарии, т. I. М., 1954, стр. 48, 120; Б. Д. Греков. Полица, стр. 60.

⁸⁰ Б. Д. Греков. Полица, стр. 61.

⁸¹ МНЈСМ, vol. V, str. 8—12, 381—382.

выборным катунаром. Основная обязанность сеньских владов заключалась в службе «на коне со щитом и мечем или стрелами и мечем»⁸². Вместе с тем они должны были вносить кн. Франкопанам ряд платежей. Состав этих платежей (овцы, коровы, сыр)⁸³, а также обозначение в грамоте местожительства владов термином «катунь», употребляемое в южнославянских памятниках обычно для наименования скотоводческих поселений⁸⁴, не оставляют сомнений относительно характера их производственной деятельности. Грамота 1436 г. одновременно свидетельствует, что некоторые влады использовались в качестве пастухов в хозяйстве хорватов⁸⁵. Известно также, что немало хорватских владов в XV—XVI вв. было занято в перевозке товаров⁸⁶. Наконец, есть основание полагать, что в изучаемый период часть владов в Хорватии уже превратилась в земледельцев. Именно такими предстают перед нами влады в грамоте кн. Мартина Франкопана от 1470 г.⁸⁷ Становясь земледельцами, влады, несомненно, сливались с основной массой непосредственных производителей хорватской деревни — кметами. В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что в конце XV—XVI вв. прозвища многих хорватских кметов были производными от слова «влах» (Vlach, Vlačić и т. п.)⁸⁸.

Процесс превращения владов в земледельцев в изучаемый период, видимо, был ускорен тем, что в условиях турецкого нашествия на Балканы многие влады были вынуждены переселиться с основной территории своего расселения — районов горного пастбищного скотоводства — в ту часть Хорватии, где главным занятием сельского населения могло быть лишь земледелие.

Наряду с кметами, инквиллинами и влахами, хорватские источники XVI—первой половины XVII в. изредка называют также «слободняков» («slobodnjaki»). Эта сравнительно немногочисленная прослойка сельского населения имела свое хозяйство, ничем не отличавшееся от хозяйства большинства кметов. Судя по отрывочным свидетельствам источников, основная особенность положения слободняков по сравнению с кметами состояла в том, что они несли сторожевую или военную службу в отрядах хорватских феодалов⁸⁹. В то же время, слободняки были освобождены от большинства повинностей, исполнявшихся кметами⁹⁰. В связи с этим, они очевидно и получили свое наименование. Весьма возможно, что и по своему правовому положению слободняки несколько отличались от кметов. Но, так или иначе, слободняки оставались обязанными феодалу рентой обычно в форме натуральных или денежных платежей. И, хотя величина этих платежей была сравнительно невелика, все же наличие их дает нам полное право отнести слободняков к числу непосредственных производителей, прибавочный продукт которых в изучаемый период присваивался хорватскими феодалами.

Наиболее скудно в доступных нам источниках освещен вопрос о дворовых хорватских феодалов. В этой связи можно указать лишь на упоми-

⁸² MHJSM, vol. V, str. 9.

⁸³ Ibid., str. 9—10.

⁸⁴ См. С. Новаковић. Законик Стефана Душана, цара српског, 1349 и 1354. Београд, 1892, стр. 165.

⁸⁵ MHJSM, vol. V, str. 11.

⁸⁶ См. V. Klaić. Povjest Hrvata, sv. III, dio I, Zagreb, 1911, str. 41.

⁸⁷ MHJSM, vol. VI, str. 258.

⁸⁸ Ibid., vol. V, str. 35, 37, 105, 226, 229, 231, 322 и сл.

⁸⁹ Ibid., str. 108, 133, 234, 237; Starine, kn. XXV, str. 236, 314.

⁹⁰ Так, например, по данным Новиградского и Озальского урбариев слободняки были обязаны платить девятую или десятую часть вина, полученного ими со своих виноградников. Новиградские слободняки, кроме того, платили чинш размером в 1 дукат (MHJSM, vol. V, str. 143—144, 234, 237).

вание в Модрушском урбарии «подворцев», под которыми, по мнению Р. Лопашича, следует понимать дворовых людей⁹¹; впрочем, как свидетельствует Модрушский урбарий 1486 г., часть «подворцев» в конце XV в. во владениях кн. Франкопанов в Приморской Хорватии была посажена на землю⁹².

Не исключено также, что в хозяйстве хорватских феодалов использовался труд пленных, обозначаемых в наших источниках обычно термином «сужань». Термин этот не раз встречается как в Полицком статуте, так и в хорватских грамотах конца XV—XVI вв. Судя по данным этих грамот, у отдельных хорватских феодалов имелось весьма значительное число пленных. Например, в одной из грамот от 1543 г. указывается, что у кн. Михаила Слунского в это время было свыше тысячи пленников⁹³. К сожалению, прямых свидетельств об использовании хорватскими феодалами труда пленных у нас нет. Есть лишь данные о том, что пленные рассматривались хорватскими землевладельцами как значительная ценность. В этом нас, в частности, убеждают показания грамоты кн. Николая Зринского и Степана Франкопана от 1544 г., из которой следует, что поселившиеся в их владении влахи были обязаны отдавать половину всех пленных своим господам⁹⁴. Весьма вероятно, что эта заинтересованность хорватских феодалов в пленных прежде всего объясняется возможностью получить за них выкуп. Однако, как справедливо замечает Б. Д. Греков, комментируя показания Полицкого статута о «сужнях», до момента выкупа или бегства пленный, живя у хозяина, конечно, на него работал⁹⁵.

Наконец, следует отметить, что в наших источниках имеются показания о применении хорватскими землевладельцами в своем хозяйстве наемного труда. Косвенный намек на это делает грамота кн. Анжа Франкопана от 1436 г., упоминая «наџамников»⁹⁶; но особенно интересны в этом отношении данные о «наймитах» Полицкого статута. Им в Статуте посвящена статья 93. Кроме того, в статье 78с говорится о человеке, находящемся в «найму». Она предписывает повесить вора («меусобца»), а имущество его конфисковать, и в заключение добавляет: «Ако ли е кметий покрео свога господара, дужань е и главом и благом: ки ли би крео господара, у кога би стао у найму, дужань дупло»⁹⁷. Не совсем понятно, что означает «дупло» (вдвое) наймита по сравнению с наказанием кмета, который платится головой и имуществом. Однако для нас существенно уже то, что статья 78с отличает наймита от кмета.

Статья 93 (193—194), озаглавленная «Законь од наџамников», в первой своей части (статья 193) вспоминает старый закон, из которого мы узнаем, что «наџамник» заключал с хозяином договор на определенный срок (обычно на год), по истечении которого оплачивалась его работа. Если же «наџамник», не отработав срока, без всякого уважительного повода уходил от господина, то старый закон разрешал ему «неплатити ништарь». В то же время и хозяин нес материальный ущерб: в случае досрочного расторжения договора с наймитом он при этом должен «платити за пунь наџам»⁹⁸. Во второй части статьи 93 (194) говорится, что «теперь Полица установила закон милостивый: если бы «наџамник» оставался у хозяина некоторое время, не учинив никакого зла или ущерба,

⁹¹ МНЈСМ, vol. V, str. 36, op. 1.

⁹² Ibid., str. 52, 57.

⁹³ I. Kukuljević. Acta Croatia, № 240, p. 242.

⁹⁴ МНЈСМ, vol. V, str. 381—382.

⁹⁵ См. Б. Д. Греков. Полица, стр. 54, 62.

⁹⁶ МНЈСМ, vol. V, str. 10.

⁹⁷ Ibid., vol. IV, str. 86.

⁹⁸ Ibid., str. 96—97.

он может просить у хозяина часть «найма» соответственно со временем, проработанным на хозяина»⁹⁹.

Следовательно, положение полицкого наймита эволюционировало в сторону превращения его в свободного работника. Однако естественно возникает вопрос, чем объясняется сей «милостивый» по отношению к наймитам закон. Ответ на него отчасти дает следующее указание статьи 93: «Если бы хозяину захотелось рассчитать наемника, он волен заплатить ему за проработанное время и отпустить его». Заинтересованность хозяина в досрочном расторжении договора с наймитом выясняется из заключительной части статьи 93. Оказывается, дело в том, что «зимой с харчем («хран») труднее, чем летом, а лето для работы важнее чем зима»¹⁰⁰. Отсюда же следует, что труд наймита применялся, главным образом, в земледелии.

Говоря о наймитах, необходимо помнить, что наемный труд — основа новой общественно-экономической формации. В эпоху феодализма, как указывает Ф. Энгельс, «...наемный труд существовал лишь в виде исключения...»¹⁰¹. Несомненно, исключением было и применение труда «наймитов» хорватскими феодалами: в изучаемый период земельная собственность реализовалась ими прежде всего в форме феодальной ренты. Об этом убедительно свидетельствуют показания урбариев о структуре и движении докапиталистической земельной ренты в Хорватии второй половины XV—XVI вв.

Эти показания, как отмечалось выше, уже были предметом нашего изучения. Поэтому мы здесь ограничимся лишь напоминанием основных выводов относительно эволюции феодальной ренты в Хорватии второй половины XV—XVI вв., к которым мы пришли в статье, представляющей опыт исследования хорватских урбариев¹⁰².

Эти выводы сводятся к следующему. Во второй половине XV в. присвоение хорватскими феодалами прибавочного труда непосредственных производителей осуществлялось преимущественно в форме натуральной и денежной ренты. Размеры отработочной ренты были сравнительно невелики, что соответствовало небольшим масштабам собственной запашки хорватских землевладельцев. Более того, в конце XV в. в отдельных районах Хорватии барская запашка сокращалась, отработочная рента заменялась денежной.

Иную картину раскрывают урбарии XVI в. Уже для 40-х годов этого столетия они позволяют констатировать повышение заинтересованности хорватских феодалов к собственной запашке и увеличению барщины кметов. В последующие десятилетия наблюдается дальнейший рост отработочной ренты. В последней четверти XVI в. барская запашка, обрабатываемая зависимыми кметами, доставляла хорватским землевладельцам подавляющую часть доходов. Господствующей формой феодальной эксплуатации в это время становится отработочная рента: барщина кметов достигает 6 дней в неделю. Денежным и натуральным платежам принадлежит второстепенная роль, а их номинальная величина остается почти неизменной.

Таким образом, в Хорватии XVI в. наблюдается тот же процесс усиления феодальной эксплуатации за счет увеличения барщинных повинностей крестьян, что и во всех европейских странах к Востоку от Эльбы. Как

⁹⁹ MHJSM, vol. IV, str. 97.

¹⁰⁰ Ibidem.

¹⁰¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, 1953, стр. 255.

¹⁰² См. Ю. В. Бромлей. Эволюция докапиталистической земельной ренты в Хорватии второй половины XV и XVI веков. Ученые записки Института славяноведения, т. IV, 1951, стр. 284—306.

и в этих странах, в Хорватии данный процесс был связан со значительным ростом потребностей феодалов, что в свою очередь было обусловлено как дальнейшим развитием товаро-денежных отношений внутри страны, так и теми крупными переменами, которые происходили в XV—XVI вв. в экономической жизни всей Европы. Как указывает Ф. Энгельс, «капиталистический период возвестил в деревне о своем пришествии как период крупного сельскохозяйственного производства на основе барщинного труда крепостных крестьян»¹⁰³.

Важнейшее условие роста барщин в позднее средневековье — наличие сравнительно устойчивого рынка сбыта для сельскохозяйственных продуктов, полученных феодалом с домениальной запашки. В этой связи следует отметить, что помимо обычных возможностей для сбыта продукции сельскохозяйственного производства на внутреннем и внешнем рынках¹⁰⁴, в Хорватии XVI в. имелся дополнительный спрос на эту продукцию, создаваемый потребностями пограничных войск.

В Хорватии, как и повсюду, превращение барщины в основную форму эксплуатации сопровождалось усилением внеэкономического принуждения. Так, из решений Крижевацкого сабора 1538 г. следует, что в это время кметы-колоны Славонии, хотя формально и сохраняли право перехода, однако он был оставлен такими условиями, при которых практически реализовать это право им было весьма трудно¹⁰⁵.

Помимо урбариальных платежей и повинностей, среди которых основное место занимала барщина, хорватское крестьянство в XVI в. было обременено другими поборами и тяготами. В их числе следует отметить церковные десятины (лат. *decime*, хорв. *dizme*)¹⁰⁶, таможенные пошлины (лат. *tricesima*, хорв. *harmica*) и «дымницу» (лат. *resupiae fumales*). Последняя собиралась ежегодно от каждого кметского хозяйства в пользу местных хорватских и славонских властей¹⁰⁷.

В XVI в. весьма тяжелым грузом на плечи хорватского крестьянства, особенно в Славонии, легли из года в год возрастающие платежи и повинности для военных нужд. Первое место среди них принадлежало «дики» (лат. *dica*, хорв. *riz*), которая собиралась в Славонии¹⁰⁸ для содержания императорских пограничных войск. Хотя налог этот считался нерегулярным, однако, судя по сохранившимся данным, славонские крестьяне во второй половине XVI в. должны были вносить его весьма часто. Известно, что за 56 лет (с 1543 по 1598 г.) сбор «дики» производился 20 раз¹⁰⁹. Размер «дики» определялся сабором хорватско-славонских «сословий и чинов» и обычно составлял 1/2 флорина, а иногда даже 2 флорина с «дыма». Кроме того славонские и хорватские кметы должны были исполнять работы по восстановлению разрушенных крепостей, а также подвозить продовольствие на границу, а в 1538 г. решением Крижевацкого сабора было установлено, что от 36 крестьянских хозяйств каждый феодал выставляет одного

¹⁰³ Ф. Энгельс. Марка, стр. 126.

¹⁰⁴ Вопрос о том, какой рынок — внутренний или внешний — имел большее значение для реализации хорватскими феодалами сельскохозяйственной продукции, заслуживает специального исследования.

¹⁰⁵ I. Kukuljević. *Jura regni Croatiae, Dalmatiae et Slavoniae, pars III, Zagrabiae*, 1862, p. 26.

¹⁰⁶ Размер десятины определялся величиной крестьянского надела и количеством скота. С «полного» крестьянского надела (8—12 югеров) в счет десятины обычно выплачивалось 6 динар; за одну голову мелкого скота — 1 динар (J. Hartinger, *Hrvatsko-slovenska seljačka buna godine 1573*, str. 56—57).

¹⁰⁷ Величина «дымницы» ежегодно определялась сабором и колебалась от 10 до 40 динар (J. Hartinger. *Op. cit.*, str. 59—60).

¹⁰⁸ «Собственно Хорватия» была освобождена от уплаты дики.

¹⁰⁹ Fraknoi. *Monumenta comitialia regni Hungariae*: vol. II, str. 256—257.

конного солдата для несения службы в пограничных войсках; тот же сабор предоставил хорватскому бану право мобилизовать в случае особо опасного положения на границе всех кметов, способных носить оружие¹¹⁰.

Тяжелое положение сельского населения усугублялось грабежами и насилиями наемных войск и внутрифеодальными войнами, принимавшими, по мере роста потребностей феодалов, все более ожесточенный характер.

Усиление в XVI в. нажима хорватских феодалов, связанного с активизацией их хозяйственной деятельности, не могло не вызвать сопротивления со стороны крестьян, отдельные проявления которого можно наблюдать уже в 40-х годах XVI в. Так, в жалобе грижанских кметов князю Франкопану от 1544 г. прямо сказано, что, если не будут отменены вновь введенные повинности, то они откажутся от выполнения всех «служб»¹¹¹.

Но особого обострения классовые противоречия в хорватской деревне достигают к 60-м годам XVI в. Это было обусловлено прежде всего дальнейшим ростом феодального гнета, а также опустошениями страны, следовавшими за падением Сигета в 1566 г. и связанными с борьбой против турок новыми военными тяготами.

Дошедшие до нас источники сохранили известия о том, что крестьянские волнения в конце 60-х годов принимают массовый характер. Так, в протоколах сентябрьского сабора 1567 г. прямо говорится, что «бунтующие колонны господ и знати, имеющих владения в королевстве Славония, не вносят платежей и (не исполняют) положенных служб своим господам»¹¹². К вопросу о «бунтующих и восстающих колонах» хорватские «сословия» вновь возвращаются на Загребском саборе 25 июня 1568 г., который предписал применение к «бунтовщикам» закона короля Владислава от 1514 г.¹¹³, угрожавшего смертной казнью всем, кто осмелится выступить против господ.

Таким образом, уже в конце 60-х годов в хорватской деревне налицо явные симптомы предстоящего взрыва крестьянского возмущения. Дополнительным фактором, ускорившим этот взрыв, явился голод 1570 г., во время которого погибло немало крестьян.

29 февраля 1573 г. началось массовое крестьянское восстание, возглавленное хорватским кметом Матией Губцем. Восстание быстро охватило почти всю Славонию, часть Штирии и Крайны; с самого начала движение хорватских и словенских крестьян было направлено на ликвидацию феодального гнета; в ходе восстания у отдельных его участников возникла идея создания самостоятельного государства — «крестьянского царства» во главе с Матией Губцем; повстанцы намеревались организовать действительную защиту страны от турецких набегов. Только с помощью пограничных войск хорватским феодалам удалось подавить восстание¹¹⁴.

Несмотря на то, что антифеодальная война хорватских и словенских крестьян закончилась в сравнительно короткий срок, она произвела столь сильное впечатление на господствующие классы Хорватии, Штирии и Крайны, что им долгое время казалось, будто пронесшаяся над этими землями гроза крестьянского восстания все еще не миновала. Об этом особенно наглядно свидетельствуют рассчитанные на борьбу с восставшими крестьянами меры, которые штирийские и крайские феодалы

¹¹⁰ Fraknoi. Op. cit., p. 254.

¹¹¹ MHJSM, vol. V, str. 88—89.

¹¹² MSHSM, vol. XXXIX, p. 175.

¹¹³ Ibid., p. 218.

¹¹⁴ См. нашу статью: Восстание хорватских и словенских крестьян 1573 г. Ученые записки института славяноведения, т. XI, 1955, стр. 154—216.

продолжают принимать уже после получения вестей о поражении основных сил повстанцев¹¹⁵.

Под непосредственным впечатлением от восстания некоторые феодалы высказывали даже опасение, что крайние жестокости и чрезмерный нажим на крестьян могут толкнуть их на новые выступления против господ¹¹⁶. Опасение нового взрыва крестьянского возмущения, несомненно, несколько сдерживало отдельных феодалов в их наступлении на крестьян. Однако восстание 1573 г. потерпело поражение и не смогло изменить то направление развития аграрных отношений в хорватской деревне, которое наметилось еще в первой половине XVI в. в связи с активизацией хозяйственной деятельности феодалов. Более того, сломив в ходе подавления восстания сопротивление крестьян, хорватские феодалы заметно увеличили размеры отработочной и отчасти денежной ренты.

Как показывает анализ хорватских урбариев XVI в., именно те из них, которые приходится на последующий за восстанием отрезок этого столетия, фиксируют наибольшие размеры крестьянских повинностей и, прежде всего, барщинных работ на господской запашке¹¹⁷. Об усилении феодальной эксплуатации после подавления восстания сохранились и прямые свидетельства. Так, например, в источниках отмечается, что уже в конце 1573 г. в двух наиболее крупных феодальных владениях на территории Славонии между Савой и Купой — Желине и Окиче — эксплуатация крестьян была доведена до таких размеров, что на это вынуждены были обратиться внимание даже хорватские и краинские власти. Из донесений посланных ими в эти имения чиновников выясняется, что желинские крестьяне «должны были непрерывно в течение пяти недель пахать, так что они не могли ходить домой; на протяжении всей пахоты у них совсем нечего было есть, кроме того, что они принесли с собою»¹¹⁸. В имении Окич, по словам одного из чиновников, крестьяне «должны были каждый месяц вносить платежи и (выполнять) столь большую барщину, что они не имели совсем возможности работать для себя и себя содержать; госпожа... силой отнимает принадлежащие им вино и скот»¹¹⁹. Так, растущие потребности феодалов побуждали их, пренебрегая опасностью нового крестьянского выступления, использовать подавление восстания для того, чтобы довести размеры феодальной ренты до максимальной величины.

Поглощение отработочными повинностями большей части рабочего времени крестьян, однако, вскоре привело к упадку крестьянского хозяйства в хорватской деревне. Об этом, по нашим предварительным наблюдениям, убедительно свидетельствуют показания хорватских урбариев о дроблении крестьянских наделов в первой половине XVII в.¹²⁰ Как конкретно протекал этот процесс, можно выяснить лишь в результате специального исследования, но это уже выходит за рамки задач, стоящих перед автором данной статьи.

¹¹⁵ F. Rački. Građa za povjest hrvatsko-slovenske seljačke bune god. 1573, Starine, kn. VII, № 96, str. 225, № 99 (2), str. 226.

¹¹⁶ Ibid., № 147, str. 275; № 178, str. 316; № 180, str. 317.

¹¹⁷ Ю. В. Бромлей. Эволюция докапиталистической земельной ренты... стр. 300—301.

¹¹⁸ F. Rački. Op. cit., str. 316.

¹¹⁹ Ibid., str. 317.

¹²⁰ См. МНЖСМ, vol. V, str. 171—351.